

С. Л. ШАТРОВ

Белорусский государственный университет транспорта, г. Гомель

С. П. ВАКУЛЕНКО, П. В. КУРЕНКОВ

Российский университет транспорта (МИИТ), г. Москва

ОБРАЗ ЛОДКИ В ЛИТЕРАТУРЕ

Сколько нас было, сколько осталось.
Бьет нас волной возле причала.
Старые лодки на верёвке.
Кто-то сверкает свежее краской,
Кто-то застыл, зачерпнул под завязку.
Все мы, как лодки на веревке.
Григорий Лепс. Лодка

Этнографический материал и мировой фольклор создают возможность представления образа лодки как транспортного средства, предназначенного для перемещения между мирами, разными духовными и психологическими состояниями героев произведений, их основой для достижения желаемого.

Лодка – широко используемый глубокий и трагичный литературный образ. Авторы часто пользуются этим образом олицетворения личности, попадающей в неумный, многогранный и бурный мир (событий и нестандартных ситуаций, в море жизни). Образ лодки содержит определенные элементы трагичности, что является в целом характерным для романтических произведений. Этот эффект достигается за счет противостояния личности и окружающей действительности и создает конфликт, напряжение, притягивающее внимание читателя с самого начала и до окончания произведения.

С давних времен образ лодки является фигурантом русских классических фольклорных текстов, где он используется в разнообразных жанрах: начиная с виноградий и заканчивая былинами. К примеру, в виноградях и колядках лодка сохраняет архаичную космологическую символику, представляющую собой основу ритуального пространства – путь в потусторонний мир. В былинах же она является основой свершения как ратных, так и подвигов, связанных с дальними путешествиями.

Нередко лодка становилась связью разбойников с водным пространством, к примеру, в «разбойничьей» драме «Лодка» (по легенде «разбойники» имели чудесные «глухие лодки»: наполнив их добычей, они могли по подземным водам выплыть у «Бездонной ямы» в Казанском лесу). Лодка упоминается в фольклорном сюжете о разбойнике Кудеяре. Здесь она выступает в качестве волшебного предмета (Кудеяр, увидев погоню, бросал свой полушубок в воду, и тот превращался в лодку). В пьесе «Шлюпка»,

выросшей из разбойничьих песен, лодка рисуется на полу для обозначения сценического пространства.

Проанализировав содержание русского классического фольклора, можно сделать вывод о том, что ладьи и корабли, на которых изображаются разбойники и участники народных восстаний, сохранили традиционный смысл кораблей, плывущих от жизни к смерти. Этот образ хорошо просматривается в волшебных сказках, где лодка чаще всего выполняет две функции: волшебное средство, попадающее в распоряжение героя (интересен пример не совсем обычной лодки – «летучего корабля», по замыслу автора, как эволюция птицы) или средство передвижения, перехода от одной ипостаси к другой (часто в лодке спускали младенца на воду, а к берегу приплывал уже окрепчавший молодец).

Интересно наблюдать генезис образа лодки через произведения таких авторов, как М. Ю. Лермонтов, Ф. М. Достоевский, М. Горький, В. Маяковский, Э. Хемингуэй и др.

В романе М. Ю. Лермонтова «Герой нашего времени» Печорин, сталкиваясь с бандой контрабандистов, вступает в состязание с девушкой в лодке. Предложение «покататься в лодочке» наполнено сакральным обрядовым смыслом (момент сакрального посвящения/непосвящения Печорина в тайну «честного круга контрабандистов: «кому услышать, тот услышит, а кому не должно слышать, тот не поймет»).

Обрядовый смысл образа лодки видится и в романе Ф. М. Достоевского «Бесы», когда Верховенский предлагает покататься Ставрогину в несуществующей лодочке: «Мы, знаете, сядем в ладью, веселки кленовые, паруса шелковые, на корме сидит красна девица, свет Лизавета Николаевна... или как там у них, черт, поется в этой песне...»

На трагичный лад настраивает начальный фрагмент в рассказе М. Горького «Однажды осенью»: *«Небо тяжело и мрачно, с него неустанно сыпались еле видные глазом капельки дождя; печальную элегию в природе вокруг меня подчеркивали две обломанные и уродливые ветлы и опрокинутая вверх дном лодка у их корней»*. Это расширение смыслового содержания текста за счет образов-символов, лодки и ветел (вновь отмечается сакральное содержание).

Со временем в литературе появляются произведения, воплощающие человека в лодку, бьющуюся по волнам в бушующем море. К примеру, у В. Маяковского, казалось бы, наблюдается более простой взгляд на образ лодки, который просматривается в поэме «Владимир Ильич Ленин» (люди – лодки, хотя и на суше). Однако это только на первый взгляд образ прост: в нем представляется сам человек с его бурей эмоций, страстей и мыслей; кормчий, который может управлять своей судьбой.

Подобная аллегория как мотив встречается в «Письме к женщине» С. Есенина, где сама Земля представляется в виде корабля: «Земля – корабль! Но кто-то вдруг за новой жизнью, новой славой. В прямую гущу бурь и выюг ее направил величаво...»

Для Э. Хемингуэя в повести «Старик и море» лодка стала символом жизни, единственным шансом к спасению, как бы частью самого человека, его неотъемлемой основой существования.

Каждый читатель и ценитель литературных произведений старины и современности сам вправе увидеть в образе лодки тот смысл, что ему ближе. Анализ текстов как русской, так и зарубежной литературы показывает актуальность символа лодки, которая в основной массе связана с символами жизни и смерти и представляется проводником (у Н. А. Некрасова дед Мазай собирал зайцев в лодку, спасая их от смерти, а для Муму И. С. Тургенева она стала последней ступенькой в загробный мир) в потусторонний мир, выполняя свою роль мистического транспортного средства.

УДК 930.85:654.029

В. Г. ШЕВЧУК

Белорусский государственный университет транспорта, г. Гомель

ЛЕГЕНДЫ ТРОИ И ТРАНСПОРТ ИНФОРМАЦИИ

Поскольку данные от природы человеку визуально-кинестический и ортотелефонный каналы обмена информацией работают, соответственно, на расстояниях «прямой видимости» и «прямой слышимости», то с древних времен человечество решало непростые задачи увеличения дальности, скорости и объема передачи сообщений. Предполагались различные способы транспортировки сообщений, позволяющие обеспечить как оперативность их получения, так и их конфиденциальность. Об этом повествуют дошедшие до нас письменные исторические источники: древнегреческий историк Геродот Галикарнасский (V в. до н. э.), автор первого полномасштабного исторического трактата «История», писал, что эллины, находясь на северной оконечности острова Эвбеи, получили с расположенного напротив острова Скиатос сообщение при помощи огня о захвате персами двух греческих кораблей; знаменитый историк и стратег Полибий (II в. до н. э.) приводил подробное техническое описание сигнального телеграфа, изобретенного александрийскими инженерами Клеоксеном и Демоклетом и усовершенствованного им самим, и др. [2].